

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАНАТИЗМ КАК ИЛЛЮЗОРНАЯ КОМПЕНСАЦИЯ НЕДОСТАТОЧНОСТИ ДУХОВНО-ДУШЕВНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ ЦЕЛОСТНОГО МИРООТНОШЕНИЯ

Статья посвящена исследованию феномена религиозного фанатизма. Изложен комплекс выработанных автором теоретических положений о целостном мироотношении, подлинном фанатизме, парафанатизме и квазифанатизме, об аскетизме и мессианстве как видах ярко выраженного религиозного фанатизма.

Ключевые слова: человек, целостное мироотношение, фанатизм, религиозный фанатизм, квазифанатизм, парафанатизм, аскетизм, мессианство

The article is devoted to investigation of the phenomenon of religious fanaticism. The author represents the complex of theoretical positions developed by himself defining holistic world outlook, genuine fanaticism, parafanaticism and quasifanaticism, asceticism and messianism as the forms of strongly marked religious fanaticism.

Keywords: human being, holistic world outlook, fanaticism, religious fanaticism, quasifanaticism, parafanaticism, asceticism, messianism

В наши дни актуальность проблем, прямо или косвенно связанных с *фанатизмом*, т. е. с всепоглощающим пристрастием людей к определенным феноменам человекомерной действительности, реализуемым в неразрывном единстве с категорическим отрицанием права на существования всех альтернативных им феноменов, очевидна. Однако анализ литературных данных свидетельствует о том, что степень теоретической разработанности проблем такого рода невысока. Тем не менее исследовательский интерес к ним, в том числе – со стороны отечественных специалистов, в частности – авторов диссертаций [6; 7; 10; 11; 12; 14], не вызывает никакого сомнения.

Сложность и противоречивость фанатизма, многообразие его известных форм и разновидностей, присущий ему воистину всепроникающий характер предопределяют необходимость нахождения тех исходных оснований, опора на которые обеспечит должную продуктивность изысканий, направленных на раскрытие его сути. Попутно рискуем заявить, что свойственная современным философам и ученым общая ориентация на когнитивный плюрализм не предполагает обязательного отказа от поиска таких поддающихся оценке содержательных моментов человеческого естества, которые применительно к обсуждаемым проблемам смогут сыграть роль надежной точки опоры, общей если не для всех исследовательских проектов, то для многих.

Поскольку характер наличных связей человека с доступными фрагментами действительности проистекает из специфики реализуемого им варианта *мироотношения* (а истинность данного суждения стоит принять на веру), постольку учет этой специфики создает предпосылки к успешному раскрытию смыслов самых разных человеческих проявлений. Думается, что в их число входят и фанатизм, и связанные с ним феномены.

Характеризуя целостное мироотношение индивида в ранее опубликованной работе [1], мы писали о том, что оно являет собой прежде всего именно *отношение*, которое интегрирует в себе все многообразное природно-социально-духовное содержание человеческой целостности, выступает ее экзистенциальным репрезентантом и с необходимостью отражает непрерывную трансформацию ее разнообразных общих и частных свойств в соответствии с изменением существенных особенностей фрагментов Мира, каким-либо образом манифестирующих себя. Здесь же речь шла о присутствующей мироотношению *интенциональности* (общей пред-

метно-смысловой направленности как имманентном свойстве целостного отношения индивида к Миру) и ее концентрированном выражении – *интенции* (частной разновидности актуальной направленности индивидуального мироотношения на определенные конкретные и абстрактные предметы и процессы, реально-ситуативной сконфигурированности его мотивационно-смыслового содержания), типичные варианты которой могут быть обозначены ключевыми понятиями «иметь» (интенция к потреблению), «казаться» (интенция к ценностям) и «быть» (интенция к благу).

В другой работе [2] мироотношение рассматривалось как единство: а) *мироопределения*, т. е. процесса и результата отождествления объективно существующего с выработанными и/или усвоенными представлениями о много-реальном Мире; б) *миротворения*, т. е. символосозидания как самопреобразования содержания интимного духовного мира и как индивидуального вклада в становление реалий социокультурной действительности.

Полагаем, что специфика варианта мироотношения, реализуемого индивидом, может быть выявлена при условии учета двух варьирующихся признаков человеческого естества. Во-первых, здесь важно принять во внимание количественное соотношение совпадающих по качеству, взаимодополняющих способностей и потребностей индивида. Если человеческие способности недостаточны применительно к совпадающим с ними по качеству потребностям, а потребности в свою очередь избыточны применительно к ним, то осуществляемый индивидом вариант мироотношения окажется пассивным. При противоположном количественном соотношении способностей и потребностей мироотношение будет осуществляться активно. Во-вторых, в содержании мироотношения индивида обязательно проявится то, какая из составляющих его целостного существа, природная, социальная или же духовная, выступит в роли доминирующей. Доминирование природной составляющей неминуемо придает мироотношению сомацентрический характер, доминирование социальной составляющей определяет наличие персонцентрического характера, а при доминировании духовной составляющей у мироотношения обнаруживается спиритоцентрический характер.

Очевидно, что за признанием того, что человеческое мироотношение является, с одной стороны, пассивным или активным, а с другой – сомацентрическим, персонцентрическим или же спиритоцентрическим, не может не последовать

признание того, что в действительности оно реализуется индивидом в одном из шести возможных вариантов: пассивно-сомацентрическом, активно-сомацентрическом, пассивно-персонацентрическом, активно-персонацентрическом, пассивно-спиритоцентрическом, активно-спиритоцентрическом.

Переходя к непосредственному обсуждению религиозного фанатизма, надо прежде всего отметить, что с исторической точки зрения он являет собой первую его форму, это признанный специалистами факт [14]. Однако в наши дни фанатизм непрерывно изменяется, обретает все новые и новые формы. При этом религиозное в фанатизме зачастую становится трудноотличимым от нерелигиозного. В связи с этим весьма интересными представляются попытки западных исследователей осуществить типологизацию фанатизма без явного учета его сопряженности с той или иной системой религиозных взглядов. Изучавший этот вопрос Г.В. Залевский упоминает, в частности, о выделении оригинального и индуцированного фанатизма, каждый из которых может выступить в идейном, формальном и формалистичном виде, а также фанатизма конструктивного и деструктивного, горячего и холодного, мягкого и жесткого и др. [5].

Возрастает актуальность дифференциации фанатизма по признаку возраста его носителей, что находит отражение в объектно-предметной сфере проводимых исследований. Так, отечественные специалисты, представляющие различные отрасли социально-гуманитарного знания, все чаще обращаются к исследованию фанатизма, проявляемого лицами подросткового и молодежного возраста [9; 11; 12].

Надо упомянуть и том, что с подлинным фанатизмом во все времена зачастую соседствовали такие феномены, как *парафанатизм* и *квазифанатизм*. Очевидно, что на факт их существования стоит обратить особое внимание. Парафанатизм – это нечто, находящееся рядом с фанатизмом (как в прямом, так и в переносном смысле), возникающее и развивающееся параллельно с ним, для внешнего наблюдателя трудно отделимое от него в чисто процессуальном плане, но крайне далекое по своим истокам и истинному смыслу; в данном случае можно вести речь об исключительно паразитической, корыстной имитации фанатизма. Квазифанатизм же представляет собой то, что внешне также весьма сходно с фанатизмом, связано с ним в пространственно-временном отношении, но не является им по своей сути; это более или менее успешная, как правило, игровая и сравнительно бескорыстная имитация фанатизма, которая, подобно парафанатизму, при взгляде со стороны легко отождествляется с ним. Наиболее весомое различие между теми людьми, чьи индивидуальные особенности позволяют без особых сомнений признать их воплощения данных феноменов, заключается в следующем: если парафанатик извлекает из своих действий, сходных с действиями фанатика, какую-либо субъективно как можно более значительную выгоду, то квазифанатик вполне удовлетворяется впечатлением, производимым им на окружающих. Справедливости ради надо отметить, что в реальной жизни нередко встречаются пограничные варианты, когда в мироотношении индивида подлинный фанатизм в той или иной мере сочетается с одним из двух или с обоими из рассматриваемых феноменов.

Однако вернемся к интересующему нас подлинному фанатизму, выступающему прежде всего в религиозной

форме, и определим основные свойства индивида, являющегося его носителем.

Фанатик, по К. Ясперсу, это человек, «всецело посвящающий себя какой-то *одной* задаче и не видящий ничего, кроме нее. Мера его самоотдачи настолько высока, что ради достижения цели он готов бессознательно рисковать всем своим существованием. Суеверное преувеличение какой-либо изолированной, вырванной из контекста цели составляет особый интерес его бытия. Влекомые инстинктами, фанатики получают специфическое, смешанное со страданием удовольствие от самоотжествления с определенным, единственно значимым для них делом» [13, с. 535].

Согласно Н.А. Бердяеву, фанатик делит мир на две несовместимые друг с другом части. Движимый идеей спасения или гибели, фанатик обнаруживает в Мире нечто единое, которое спасает. Он стремится целиком отдаться этому единому и беспощадно истребить все иное, грозящее погибелью. Что же касается тех внешних и внутренних сил, которые фанатик относит к губительным, то они представляются ему унифицированным врагом, не имеющим права на существование [3].

Не будучи способным удовлетворять главенствующие потребности за счет исчерпывающим образом соответствующих им способностей, фанатик «бросает в топку» процесса достижения состояния иллюзорной удовлетворенности практически все свои поддающиеся актуализации сущностные силы. Полностью посвящая себя достижению некоей локальной цели, фанатик оказывается одномерным существом, фактически отождествимым с той сферой человеческого существования, в рамках которой в основном развертываются его сущностные силы. Соответственно фанатики бывают разными. Одни находят искомого (и, как они полагают, истинного) себя в спорте или рядом с ним, в деятельности болельщика, другие оказываются «в плену» у каких-то иных феноменов человеческого существования, таких, например, как ставшие модными музыкальные стили и/или исполнители. Тем не менее чаще всего склонных к фанатизму индивидов всецело поглощают религиозные доктрины, широко известные или же вновь возникшие. Следует отметить, что из всех фанатиков именно религиозные привлекают к себе, к своей деятельности наибольшее внимание окружающих (по крайней мере, потенциально), даже если они и не допускают явных нарушений сложившихся в обществе норм поведения.

Конечно же, религиозные фанатики не однородны ни по избираемым целям, ни по способам их достижения. Г. В. Оллпорт, в частности, делит их на две группы. К одной из них он относит внутренне религиозных индивидов, которые исходят из того, что на земле должно воплотиться царство Божье и борются только за убеждения, к другой – имеющих скрытые мотивы личной или политической выгоды [8]. Некоторые люди, как утверждает Н. А. Бердяев, только «хотят казаться фанатиками, имитируют фанатизм, произносят слова фанатиков, делают насилующие жесты фанатиков. Но слишком часто это лишь прикрывает внутреннюю пустоту. Имитация и стилизация фанатизма есть лишь один из способов заполнения пустоты. Это означает также творческое бессилие, неспособность на мысли» [3, с. 74–75].

Обобщение утверждений, выдвинутых Оллпортом и Бердяевым, а также представленных выше положений о специфике подлинного фанатизма, парафанатизма и ква-

зифанатизма и о типичных вариантах концентрированного выражения интенциональности мироотношения дает возможность предложить типологию фанатиков (как религиозных, так и не имеющих прямого отношения к тому или иному учению религиозного характера). Первый тип фанатика – индивид, глубоко убежденный в том, что исповедуемая им идея является абсолютно истинной, и испытывающий потребность отдать всего себя борьбе за свои убеждения; это – фанатик как таковой, интенциональность его мироотношения сфокусирована на благе. Второй тип фанатика – индивид, номинально знакомый с некой идеей, активно пропагандируемой и защищаемой заметными в обществе людьми, чья жизнь представляется ему привлекательной и осмысленной, и испытывающий потребность быть похожим на них, воспроизводить то, что они говорят и делают; это – фанатик, тяготеющий к парафанатизму, интенциональность его мироотношения сфокусирована на ценностях. Третий тип фанатика – индивид, реально знакомый с некой идеей и активно участвующий в ее распространении с целью удовлетворения потребностей, не имеющих к ней прямого отношения; это – фанатик, тяготеющий к квазифанатизму, интенциональность его мироотношения сфокусирована на потреблении.

«Фанатизм, скорее всего, связан со всеми сторонами человеческой природы, здоровыми и аномальными, сознательными и бессознательными, рациональными и иррациональными» [4, с. 66–67]. С этим утверждением трудно не согласиться. Однако следует учитывать, что индивид может оказаться фанатиком только при наличии двух вариантов мироотношения: пассивно-спиритоцентрического или же активно-спиритоцентрического. Иначе говоря, и сам фанатизм, и связанные с ним феномены воплощаются в жизнь тогда, когда духовно-душевная составляющая свойственного индивиду комплекса способностей или потребностей является недостаточной, т. е. нуждающейся в полном или частичном восполнении, а компенсация имеющейся недостаточности крайне малодейственна или же принципиально невозможна. Думается, что именно это обстоятельство предопределяет существование двух видов ярко выраженного религиозного фанатизма: аскетизма и мессианства.

Для религиозного фанатика-аскета, чье мироотношение имеет пассивно-спиритоцентрический характер, естественным вариантом построения жизни является сведение до возможного минимума всех усилий, способствующих приспособлению внешней природно-социальной среды к особенностям собственного естества. Та же активность, которую он позволяет себе проявлять, направлена по преимуществу на самоизолирующую адаптацию к складывающимся конкретно-жизненным условиям, ведущую в конечном итоге, как он склонен полагать, к избавлению от зависимости от них. Его существование уединенно и самодостаточно, наполнено добровольным чрезвычайным самоограничением, самоотвержением, подавлением природно-органических и социально-личностных потребностей, отрешенностью от повседневности, от ее рутинных нужд. Он существует в соответствии со своими представлениями о добродетели, практикуя, в частности, сексуальное воздержание, отдавая время и силы упражнению воли и помыслов ради достижения праведности, обретения подлинного блаженства.

При попытке выявить реалии, определяющие и выражающие специфику мироопределения и миротворения, осуществляемых фанатиком-аскетом, непременно обнаружится самодисциплина, тренировка духа и тела, обуздание плотских устремлений, отрицание собственной телесности, в отдельных случаях – осознанное угнетение своего организма, его структур и функций, продолжающееся вплоть до полной утраты жизнеспособности и, соответственно, прекращения земного существования. Этому индивиду свойственны практически неодолимая тяга именно к такому варианту самоосуществления и вера в то, что только его последовательная реализация и в стратегическом, и в тактическом, и в оперативном отношении в наибольшей мере соответствует истинному смыслу жизни. Приобщаясь, как он полагает, к сокровенному за счет отрешения от преходящего, фанатик-аскет стремится раскрыть в себе силы для величайших преодолений. Однако самораскрытие всепобеждающих сил маловероятно. Нет сомнения только в том, что посредством пренебрежения своими избыточными потребностями, отрицания их он обретает иллюзорную компенсацию недостаточных способностей, а также несоответствующую действительному положению вещей уверенность в собственной гармонии, внутренней и внешней.

Обычно типичные для аскета действия и поступки не создают сколько-нибудь серьезных затруднений для окружающих. Но если реализация специфической интенциональности его мироотношения доходит до буквального «умерщвления плоти» и иных действий по отношению к себе, идущих вразрез с правовыми и этическими нормами, присущими той этносоциальной общности, с которой у него складываются какие-либо отношения, то люди обычно реагируют на это негативно. Конечно же, оказываемую ему «помощь» аскет не приемлет категорически, так как она, а он искренне верит в это, фиксирует его в ложном настоящем, лишая тем самым доступного, казалось бы, истинного будущего – Божественной благодати.

Переходя к обсуждению особенностей религиозного фанатика-мессии, носителя активно-спиритоцентрического мироотношения, следует прежде всего отметить, что он приписывает себе призвание к тому, чтобы спасти мир и приобщать людей к благу, кажущемуся ему высшим, и стремится делать это вне зависимости от каких бы то ни было обстоятельств. Движимый исключительно добрыми намерениями, религиозный фанатик – самоблагословленный мессия – старается навязать людям свою волю, свои выдумки, домыслы, воображая, что тем самым он открывает им доступ к абсолютным Истине, Добру и Красоте (или чему-то иному, что, по его мнению, более всего достойно быть средоточием всех жизненных устремлений праведного человеческого существа), а именно это и только это представляется ему и целью, и ценностью, и смыслом собственной жизни.

Нельзя не признать, что самой благоприятной средой для воплощения в жизнь вариантов мироопределения и миротворения, свойственных таким гиперактивным индивидам, чаще всего оказывается сфера религии. Тем не менее кто-то из фанатиков подобного рода действует в сфере политики, кто-то обращается к науке или искусству. Впрочем, вряд ли какому-либо исследователю удастся обнаружить сферу человеческой жизни, которая не стала бы объектом их пристального внимания и приложения сил. Наря-

ду с этим стоит заметить, что для индивида, склонного к фанатизму в виде мессианства, любая осваиваемая сфера неминуемо становится своеобразной религией.

Никакой мессия в принципе не может действовать в условиях, когда он не окружен людьми, находящимися под его влиянием, готовыми бездумно следовать за ним и с энтузиазмом исполнять то, что он предписывает. Собственную роль в жизни людей, в общественных процессах, в истории человечества этот индивид полагает всеохватной и судьбоносной, и он, как ему самому кажется, достойно ее исполняет. Но в действительности и свойственные ему побуждения, и особенно совершаемые им поступки плохо согласуются с жизненными реалиями, а потому его наибо-

лее активные попытки изменить мир, привести человечество к счастью обычно вызывают у здравомыслящих людей недоумение и отторжение.

Если аскет стремится обрести благо, то мессия воображает себя обладающим им и способным нести его людям. На деле же никакому религиозному фанатику неведомы ни подлинное благо, ни пути к нему. Все, что совершается в пределах сознания такого (как, впрочем, и любого другого) фанатика, все его действия, поступки, поведение в целом в той или иной мере сглаживают дискомфорт, вызываемый недостаточностью духовно-душевных составляющих целостного мироотношения, т. е. имеют иллюзорно-компенсаторный характер.

1. Беляев, И. А. Интенциональность целостного мироотношения / И. А. Беляев // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2007. – № 1. – С. 29–35.
2. Беляев, И. А. Ценностное содержание целостного мироотношения / И. А. Беляев // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2004. – № 2. – С. 9–13.
3. Бердяев, Н. А. О фанатизме, ортодоксии и истине / Н. А. Бердяев // Человек. – 1997. – № 3. – С. 67–75.
4. Залевский, Г. В. Фанатизм как проблема духовного здоровья личности и общества. Сообщение 1. Психоисторическая характеристика / Г. В. Залевский // Сибир. психол. журн. – 2007. – № 26. – С. 66–69.
5. Залевский, Г. В. Фанатизм как проблема духовного здоровья личности и общества. Сообщение 2. Индивидуально-личностные диспозиции фанатизма / Г. В. Залевский // Сибир. психол. журн. – 2008. – № 28. – С. 49–52.
6. Ким, В. В. Фанатизм как социальный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / В. В. Ким. – М., 2003. – 16 с.
7. Кузнецова, М. Н. Религиозный фанатизм: понятие, сущность и пути преодоления: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / М. Н. Кузнецова. – Омск, 2003. – 19 с.
8. Оллпорт, Г. В. Личность в психологии / Г. В. Оллпорт. – М.: КСП+, СПб.: Ювента (При участии психологического центра «Ленато», СПб.), 1998. – 345 с.
9. Платова, Е. В. Феномен подросткового фанатизма : (на примере футбол. фанатов) / Е. В. Платова // Психология и школа: ежекварт. науч.-практ. журн. – 2006. – № 4. – С. 39–53.
10. Санаева, Т. Н. Социальный фанатизм: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Т. Н. Санаева. – Н. Новгород, 2002. – 28 с.
11. Тверезовский, К. И. Социально-психологические условия возникновения музыкального фанатизма в подростково-юношеском возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / К. И. Тверезовский. – М., 2009. – 30 с.
12. Толокнеева, Е. И. Формирование ценностного отношения подростков к музыкальному искусству как условие профилактики музыкального фанатизма в подростковой среде: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Е. И. Толокнеева. – Ставрополь, 2006. – 21 с.
13. Ясперс, К. Общая психопатология / К. Ясперс. – М.: Практика, 1997. – 1056 с.
14. Яхьяев, М. Я. Религиозный фанатизм как социально-исторический феномен: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / М. Я. Яхьяев. – Махачкала, 2006. – 42 с.

Сдано 18.10.2011